

Су Цинцин в спешке заправила волосы за уши, поправила одежду и, встав твердо на ноги, во всю глотку закричала:

— Чего застыли! Уберите их отсюда!

Шум в коридоре наконец стих.

Су Еюй бросил на нее короткий взгляд, ничего не ответил и, толкнув дверь палаты, напоследок бросил:

— Следи внимательно.

Су Цинцин нахмурилась и огрызнулась:

— Не твое дело, как я работаю.

Войдя в палату, Су Еюй обнаружил, что старик Су широко раскрытыми глазами уставился прямо на него.

Су Еюй равнодушно усмехнулся:

— Дедушка, вы должны были привыкнуть. Разве кто-то из нашего рода Су уходил из жизни спокойно?

В комнате воцарилась тишина. Тик-так, тик-так...

Неизвестно, сколько прошло времени, но вдруг монитор сердечного ритма издал пронзительный непрерывный писк, и зеленая линия на экране превратилась в ослепительно прямую черту.

Неоновые огни дробились холодным светом в пустых зрачках Чжо Хуа. Он сидел на ступеньках у края дороги, воротник его рубашки перекосялся.

Сейчас его разум был пугающе холоден.

Цзян Яньцы и Чу Ичэнь опустились рядом с ним с обеих сторон. У первого из уголка рта сочилась кровь, у второго на рукаве красовался разрыв, обнажая синюшную кость запястья. Их жалкий вид отбрасывал ломаные тени под светом уличного фонаря.

Цзян Яньцы дважды сглотнул, его взгляд скользнул по вздрагивающим плечам Чжо Хуа, и он наконец осторожно положил руку ему на плечо:

— Прости, сегодня я не все продумал...

Не успел он договорить, как Чжо Хуа резко дернулся и сбросил его руку.

Тот, кто смог разузнать о беде со стариком Су и пробраться наверх, будучи внебрачным сыном, разве мог не предусмотреть подобного?

Холодный смешок вырвался сквозь зубы, смешиваясь с ночным ветром в ледяную изморозь.

Чу Ичэнь раздавил носком ботинка окурок, металлическая зажигалка дважды крутанулась в его пальцах и замерла.

Он несколько раз хотел что-то сказать, но медлил, и в итоге нарушил тишину:

— Старик Су до этого... оставлял завещание о том, как распределить наследство?

Этот вопрос заставил Чжо Хуа резко обернуться. Его покрасневшие глаза остекленели:

— Что ты имеешь в виду?

— Теперь жалеешь? — голос Чу Ичэня внезапно стал громче.

Чу Ичэнь замолчал. Уличный фонарь отбрасывал на его профиль контрастные тени.

Его взгляд был прикован к земле:

— Я не это имел в виду... но если... — голос его становился все тише, — тебя действительно полностью вычеркнут из наследников рода Су, что ты будешь делать?

Ночной ветер, неся с собой мелкую пыль, пронизывал до костей, но это было ничто по сравнению с тем, как больно ранил взгляд Чжо Хуа.

Тот вдруг издал холодный смешок, прозвучавший в тишине улицы особенно резко.

Он, опираясь на колени, медленно поднялся:

— Имел ты это в виду или нет, ты знаешь лучше всех.

Фонарь вытянул его тень в длинную полосу, и он ушел в темноту переулка, ни разу не обернувшись.

Чжо Хуа не смирился и прождал у входа в больницу всю ночь.

Едва рассвело, приехала машина из похоронного бюро.

Увидев, как выносят четырехугольный гроб, он больше не смог сдерживаться, и слезы градом покатались по щекам. Он бросился вперед, обезумев от горя, желая еще раз взглянуть на деда, но Су Еюй грубо оттолкнул его.

Охранники тут же окружили его, не давая двинуться с места.

Чжо Хуа упал на землю, содрав кожу на руках, и закричал на Су Еюя:

— Су Еюй! Ты точно что-то сделал!

Су Еюй неторопливо поправил галстук, и его очки в золотой оправе блеснули холодным светом.

Су Цинцин подошла к нему, цокая каблуками, и с силой надавила пяткой ему на грудь:

— Не болтай лишнего без доказательств, язык до добра не доведет.

Су Еюй прикрыл рукой едва заметную усмешку, голос его был пропитан фальшивой мягкостью:

— Все-таки мы с тобой одной крови, брат. На глазах у чужих людей мы, как старшие, должны сохранять лицо.

Взгляд из-за стекол очков легко скользнул по жалкому виду Чжо Хуа.

Су Цинцин фыркнула и с силой вдавила каблук в рану на ладони Чжо Хуа, прежде чем убрать ногу.

— Милый братец, не забудь про сегодняшнюю ночь поминовения. Дедушка при жизни тебя больше всех любил. Если ты не придешь, как же ему там, на том свете, будет обидно? — она намеренно растянула последние слова.

Дождь усилился, смывая следы прохожих.

Когда Чжо Хуа поднялся с земли, последняя черная машина уже скрылась вдаль, проезжая через лужи.

Солнце пробивалось сквозь пелену дождя тусклым светом, растягивая тени прохожих. Люди, плотнее кутаясь в пальто, быстро шли, опустив головы, и слышался лишь беспорядочный стук каблуков и шорох зонтов.

На пустой улице остался только он в промокшей насквозь рубашке, прилипшей к спине. Ветер обдувал его, и даже боль стала тупой.

Чжо Хуа поднял голову к свинцовому небу. Мелкие капли дождя били по лицу, в голове царил хаос: то всплывало строгое лицо деда, то лицо Цзян Яньцы, то Чу Ичэня.

Но стоило присмотреться, как все ускользало.

Дождь лил сильнее. Он стоял у обочины, глядя на проезжающие машины и прохожих, не зная, куда идти.

Вдруг справа легла тень, и черный зонт на длинной ручке укрыл Чжо Хуа. Под глухой стук капель по куполу он повернул голову и увидел Чу Ичэня.

Челюсть того была сжата до боли, а в темно-карих глазах бурлили сложные чувства.

Чжо Хуа охрипшим голосом спросил:

— Когда ты пришел?

Тишина, словно тяжелый свинец, повисла в дожде.

— Ты хочешь бороться? Я могу тебе помочь.

Чжо Хуа внезапно пришел в ярость и с силой оттолкнул его.

Чу Ичэнь пошатнулся, отступил на пару шагов, быстро выровнялся, но продолжил молча идти следом.

Чжо Хуа резко обернулся, его глаза, словно у загнанного зверя, налились кровью, и он снова с силой толкнул его.

Чу Ичэнь тяжело упал на мокрую землю.

— Убирайся! Не ходи за мной! — голос Чжо Хуа сорвался на подавленный крик. — Я не хочу тебя видеть.

В поминальном зале дрожали свечи, вился сизый дым.

Чжо Хуа в белых траурных одеждах неподвижно стоял на коленях на подушке, позволяя холодным словам членов семьи Су, словно лезвиям, резать слух.

Черно-белый портрет старика Су висел в центре зала, его добрая улыбка резко контрастировала с пронизывающим холодом вокруг.

Су Цинцин, цокая тонкими каблуками, подошла к алтарю и постучала алыми ногтями по сандаловому столу:

— Разве дедушка не любил тебя больше всех? Как он мог оставить тебе так мало? — когда она наклонилась, отвращение в ее глазах не было скрыто.

Чжо Хуа медленно повернул голову, уголок его губ дрогнул в едва заметной улыбке, которая в свете свечей казалась зловещей:

— Хочешь знать почему? — он поднял глаза на гроб. — Спроси у дедушки.

Воздух в комнате застыл.

Лицо Су Цинцин изменилось, и она с размаху влепила ему пощечину.

Звонкий звук взорвал тишину зала, на щеке Чжо Хуа мгновенно проступили пять пальцев.

— Цинцин, — одернул ее Су Еюй. В его тоне слышалось привычное снисхождение, но он бросил на Чжо Хуа предупреждающий взгляд. — Иди сюда.

Су Цинцин топнула ногой и, недовольно цокая каблуками, отошла за спину Су Еюя.

Су Еюй тяжело вздохнул и поднял руку, чтобы потрепать ее по волосам.

<http://bllate.org/book/18787/1824513>